

Застолье в вологодском свадебном обряде

Народное сознание со всеми его мировоззренческими аспектами, нравственными установками и оценочными ориентациями реализует, обнаруживает себя в самых разнообразных обычаях и обрядах.

Замечательно, что “идеологическому” (символическому, магическому) игровому наполнению подвергаются, казалось бы, самые простые, бытовые действия и ритуалы, например, такие, как застолья. Разумеется, глубина, разнообразие и эмоциональная окраска такого наполнения зависит от значимости самого события, с которым связано застолье, от места этого события на ценностной шкале народного сознания.

Вряд ли существовало в жизни русского крестьянина иное значительное событие, объединявшее такое множество разнообразных застолий, как свадьба. Все они принадлежали одному обряду, почти все сопровождались общей едой, трапезой, которая в древности, по мнению многих ученых, в частности, Б.А. Рыбакова¹, символизировала совместную коллективную жертву определенному божеству. Этим, вероятно, объясняется столь серьезное отношение к трапезе у многих народов. Кроме того, подаваемая за столом пища доставалась тяжким трудом и, независимо от сакрального смысла, вызывала к себе понятное уважение.

Термин *застолье* в его современном значении в традиционном крестьянском свадебном обряде не существовал, по крайней мере, до недавнего времени. Бытовали другие названия: *пир*, *пировство*, *пировка*, *пиршество*, *столование*, *сидение*, *княжий стол* и др. Все они означали совместную трапезу. Понятие *застолье* имеет более широкое толкование, чем *трапеза*, так как за столом даже без еды могли совершаться многие обрядовые действия. В этом случае стол выполнял роль своеобразного *жертвеника, Божьего престола* (такое представление нередко встречается в народе). В данной статье термин *застолье* рассматривается в широком смысле, т.е. и как совместная трапеза, и как место проведения важных обрядовых действий, ритуалов.

Свадебные застолья (*столы*) отличались друг от друга по роли в обряде, месту и времени проведения, составу и количеству участников, по их нарядам, функциям, порядку размещения за столом, по ритуалу, по тому, что называлось сервировкой стола и другой атрибутике, по фольклору, сопровождавшему большое пиршество или обычный обед, наконец, по составу и характеру

угощений, подававшихся во время разных столов. Каждому свадебному застолью – от простого чаепития до *княжьего стола* – соответствовал свой строгий чин, регламент.

Помимо непосредственного бытового назначения – накормить, угостить людей – у свадебных застолий был второй план – обрядовый, изобиловавший символическими знаками (материальные и вербальные), магическими действиями, специфическими ритуалами. Обычно столами заканчивался тот или иной период, или этап, свадебного цикла. От того, какой этап они завершили, и в чьем доме (невесты или жениха) проходило застолье, зависели их смысловая нагрузка и оформление.

В целом свадебные застолья – сложное, значительное и интересное явление народной культуры, вобравшее в себя разные стороны крестьянского мировоззрения и быта.

В данной работе мы остановимся только на некоторых застольях кануна венчального дня и утра перед венцом, проходивших в доме жениха и невесты, которые имели определяющее значение для всего свадебного ритуала: ими завершался период сватовства, на них закреплялись достигнутые между семьями жениха и невесты договоренности. Это нашло отражение в названиях некоторых обрядовых этапов, например, *запоручивание, пропивание, сговор, сватанье, смотры, смотрины невесты*.

Происходило прощание невесты с девичьей волей, своими родными, отчим домом, подругами. Расставался и жених с холостой жизнью, отсюда такие названия, как, например, *девичник, или девишинник, плаканье, причеты, прощальная посиделка, парнишинник* и др.

События, происходившие в эти дни в домах невесты и жениха по своему обрядовому значению можно отнести к наиболее важным во всей свадьбе. Они представляли собой тот символический, обрядовый рубеж, преодолев который невеста и жених становились мужем и женой.

Именно в эти дни в дохристианское время совершался брачный обряд. Поэтому не случайно последний день (реже – дни) перед венцом, его канун и утро дня венчания были насыщены многочисленными и разнообразными обрядовыми актами и ритуалами, часто древнего происхождения.

Время свадьбы: предварительные замечания

В ряде мест Вологодчины считали, что свадьба начинается в доме невесты уже накануне дня венчания или утром перед венцом. Именно день накануне его в некоторых местах называли *свадьба* (Кокшеньга)², *свадебный день* (Кадниковский и Тотемский уезды), *начин свадьбы* (Ухтомская вол. Кадниковского у.)³,

а день, в который ехали на венец, – *венчальным*. Правда, следует заметить, что в большинстве мест и этот день называли *свадебным*, или *свадебником* (современный Сокольский р-н)⁴. Характерно, что свадебник включал и обрядовые действия в доме невесты, совершаемые утром перед венцом, а не только венец и пир в доме молодого. Таким образом, само название свидетельствует о важной роли событий в доме невесты.

Поясняя восприятие в сознании людей названия кануна дня венчания свадьбой, Д. Балашов писал: «“Некоторые полустертыe детали ритуала заставляют думать, что некогда именно первый этап свадебного действия был в обрядовом смысле, поворотным». Основные звенья обрядового действия этого дня, такие как *девичник, приезд женихов, приплакивание к пиву, призываение к вину, вывод перед столы* и т.д., собственно и были в ритуальном смысле теми действиями, – “сводящими”, “сваживающими” жениха и невесту, которые... составляли значение слова “свадьба”»⁵.

Правомерность этих наблюдений подтверждают и слова автора очерка о свадьбе в д. Зеленая Тавренгского общества Кадниковского у. А. Шустикова: с этого дня, “собственно говоря, и начинается здесь свадьба, так как жених приезжает к невесте со всем своим свадебным поездом, именно накануне венчания, обыкновенно вечером, и там, у невесты, а то и с невестой ночует, там же остаются и гости”⁶.

Характерно, что в д. Вохтога Раменской вол. Грязовецкого у.⁷ после девичника, утром венчального дня, встав с постели, невеста надевала “бабий наряд”. А в причете невесты на смотринах (в канун свадьбы) в Кубенском крае (Вологодский у.)⁸ есть такие слова: “Меня матушка жалует невеликою радостью: меня кикой-то белою (женским, а не девичьим головным убором. – Т.М.”).

Показателен в этом отношении и рефрен из приговоров дружки (Никольский у.)⁹, произносимый на подобном пиршестве. Обращаясь к матери невесты, он говорил: “...умела ты поить, кормить, умей снарядить и за стол посадить красную девицу, а мы повезем молодую молодицу”, а к отцу: “...умел ты нас напоить, накормить, умей отдать и за стол посадить красную девицу, а мы повезем молодую молодицу”.

По задачам и функциям обрядовые действия последних предвенчальных дней можно разделить на три группы: это обряды, подводящие черту под досвадебными переговорами, знаменующие окончательное решение о браке, выражющие обоюдное согласие сторон на брак (“быть браку”). К ним можно отнести *запоручивание* (Тотемский у., Кокшеньга, д. Стуловская; Кадниковский у. Ухтомская вол.)¹⁰; *пропивание невесты у жениха*¹¹ (в основном Кадниковский у. – Ухтомская и Васьняновская вол., Трои-

чина, д. Корбанка); *сговор*¹² (Тотемский у. Стрилицкая вол.), *свадьба*¹³ (Верхне-Важский посад) и т.д.

Вторую группу образуют обряды, подготавливающие переход невесты в статус замужней женщины, символически обозначающие ее расставание с девичьей волей, родителями, домом, деревней, сверстницами. Это *девичник*, *плаканье*, *скрутошник*¹⁴ и т.д. У жениха также проходили обряды прощания с холостой жизнью, с друзьями-товарищами по вольной жизни. Они совершились на этапе, называвшемся *прощальная посиденка*, *парнишиник*, *мальчишиник*¹⁵.

Третью группу составляют обряды, констатирующие акт бракосочетания и отчуждающие невесту от родного дома. Формы констатации были различны и многочисленны: закрывание невесты платком, банный обряд, соединение рук невесты и жениха, обручение, передача невесты ее отцом в руки жениха и многие другие. Большинство этих обрядов совершалось на девичнике, смотринах или “сидинах”. Как правило, завершение важных обрядовых действий происходило за столами на застольях, как говорилось выше. Они как бы ставили точку в целой серии обрядовых действий и обеспечивали переход к следующим событиям.

Стол и скатерть в свадебном застолье

Термин *застолье* предполагает, что все события совершаются за столом. Это обстоятельство предопределяло особую значимость происходящего, так как стол был одним из главных сакральных центров дома (избы). Расположение стола под иконами связывало его, согласно традиционным представлениям, с Господним или Богородичным престолом (престол в христианской традиции – седалище божества). Он находился как бы на границе с иным, высшим миром и являлся посредником между сидящими за столом и небесными покровителями. Поэтому стол в народном сознании воспринимался как престол, “божья ладонь”, дающая благо. Кроме того, стол у всех восточных славян соотносился с идеей пути – одной из основополагающих в человеческой культуре. Стол, как сакральный центр жилища, являлся начальной и конечной точкой любого пути (реального или мыслимого). К тому же стол ассоциировался с семьей, домом, родом. Он предметно воплощал идею дома, семьи, идеал общего соучастия. Трапеза за ним означала единство и согласие участников в застолье. Поэтому-то и существовал запрет садиться за стол до окончания договора, до получения взаимного согласия сторон жениха и невесты. Соблюдение этого обычая можно неоднократно наблюдать в свадебном обряде.

«Стол, всегда продолговатый, стоит непременно в переднем углу, под иконами, – писал М.Б. Едемский, – при большом стече-

нии гостей к нему приставляют вплотную еще один, а иногда и два таких же стола в направлении от “сугок”, – переднего угла, к “шомныше” [=кути]; лавка, идущая вдоль длинной стороны стола к шомныше, ближе к печи, называется обыкновенно бабьей или женской, в отличие от другой, идущей по короткой стороне, – короткой или мужской лавки. Вдоль другой длинной стороны стола, а иногда и другой короткой, если последняя не примкнет к третьей лавке, возле шомныши, устанавливаются скамьи, иногда стулья и табуреты. Это обычный способ расстановки столов и рассаживания гостей во всех торжественных деревенских церемониях¹⁶. По данным Б. и Ю. Соколовых, на девичнике “вся изба уставлена столами, начиная от печки”¹⁷.

Напомним, что в свадебном ритуале вещи и люди приобретают свойства символов, настраивающих участников обряда на метафизический лад. При этом все происходящее как бы совершается не столько в обыденном, сколько в ином – культурно-игровом пространстве, в котором вещи, люди и действия обладают двойной природой – реальной и знаковой. Поэтому стол, подготовленный таким образом для участников обряда, переставал быть только бытовым атрибутом праздника и превращался в сакральный центр, в место, где присутствовали высшие силы. Он становился “престолом”, что в исторической перспективе соответствовало жертвенному. Соответственно, пища на свадебном столе воспринималась не только как еда, но еще и как жертва, предназначенная небесным силам. Поэтому обрядовый хлеб до поры и не трогали. Так устанавливалась связь между миром обыденным, земным и миром горним, небесным.

Хозяйка обязательно накрывала стол скатертью (*постилахой* – д. Столовская), как правило, белой. По данным Д. Балашова и других, скатерти эти называли *столоухи* и *полустоловки*. Это были “льняные, узорного полотна небольшие скатеретки с узорной дорожкой посередине (бранный узор, красной бумагой по льну) и вышитыми красным противоположными краями. Вышивка строгая, неизменно геометрическая. Сами края скатерти обвязаны “мысками”. Столоухи стелют на стол. Полустоловками закрывают еду, поставленную на столе. Бывали и особые “довгие” свадебные скатерти “в три стола”: “кто побогатее, так держали” (с. Верхний Спас), т.е. имели такие¹⁸. В Кирилловском у. стол в день свадьбы покрывали сначала невестиной, а потом жениховой скатертью¹⁹.

В контексте обряда скатерть не только имела бытовую функцию, но, так же как и стол, в силу метафорических ассоциаций обретала новые свойства²⁰. Она уже воспринималась как “подножник” престола (стола). Кроме того, покрытый скатер-

a

б

в

Жители северных деревень за крестьянскими занятиями, ремеслами и промыслами: *а* – плетение рыболовной сети. Северное Приуралье. Фото С.Н. Иванова, 1981 г.; *б* – гончар за работой в д. Заболотная Чердынского р-на. Фото Г.Н. Чагина, 1971 г.; *в* – сбивание масла в д. Климово Грязовецкого у. Вологодской губ. 1929 г. (Из коллекции ВОКМ 1001/13. Ф-10-10); *г* – охотник в снаряжении в Печорском крае. Фото С.Н. Иванова, 1983 г.; *д* – прядение, Северное Приуралье. Фото С.Н. Иванова, 1980 г.; *е* – ткачество, Северное Приуралье начала XX в. (Из коллекции ПОКМ)

г

д

е

тью стол не был в сознании людей “голым”, т.е. бедным. Мистическая природа скатерти неоднократно проявлялась на протяжении свадебного ритуала. Например, в с. Муньга Кирилловского у.²¹ в день свадьбы, в конце застолья, когда гости выходили из-за стола и всё с него убирали, невеста брала скатерть и бросала на девушек. Считалось, что та, на которую она упадет, первой выйдет замуж. В современном Вашкинском р-не невеста,

вставая из-за стола, обычно тащила за собой скатерть, чтобы ускорить замужество подруг²². В Мунском сельсовете существовал шуточный вариант этого обычая: невеста, выходя из-за стола, “прибивала к месту” подруг: “Скатерть ишо поколотит, чтобы ейные подруги не вышли”. Тот же обычай отмечался на Кокшеньге. В д. Логиново Сокольского р-на утром венчального дня невеста, уходя из-за стола, “сволакивала со стола скатерть со всем, что на нем было положено”²³.

Святая кидала со стола скатерть под ноги невесте, совершившей поклоны. В других случаях на разостланную на полу белую скатерть или ставили обоих молодых для благословения, или одну невесту, когда умывали ее перед выводом к столу. На “узорцатой скатерти” невесту переодевали в “атласник” (нарядный, праздничный сарафан. – Т.М.).

Скатерть фигурирует в свадебной магии. Так, в д. Лохта бытовал такой обычай: четыре конца скатерти, которой невеста вытиралась, когда ее готовили к столу, старушка-ворожея выполняла в воде, оставшейся после умывания девушки. Затем отрезала эти концы ножницами, наговаривая: “Как етот платочек сохнет, так бы раб (имя жениха) жалев рабу (имя невесты). Как эта скатерётка не может жить-быть без хлеба, без соли как етот раб божий (имя) не может жить быть без хлеба, без соли, без скатерётки, так бы без (имя) рабы не мог бы ни цясу цясовать, ни минуты миновать, и ноцьные и дневные, постоянно бы на уме (имя) раба у (имя) рабы. Будь мои слова крепки, лепки, памятны, во имя Отца и Сына и Святого Духа, во веки веков. Аминь”²⁴.

Таким образом, сакральная природа скатерти несомненна. Возможно, в этом сыграло роль ее уподобление антиминсу, покрывающему престол в церкви.

Сакральная пища: хлеб и соль

Накрыв стол скатертью, хозяйка в первую очередь ставила на него хлеб и соль. Причем это делалось независимо от того, накрывался стол для ординарной трапезы или для праздничной. Обычай накрывать стол скатертью и ставить на него хлеб отражен и в причете невесты:

Уж я не много погуляла,
Да много прогуляла,
Все в избе-то не по-старому:
На столах да все скатерти,
По два хлеба белоситные,
Среди стены-то белокаменной
Стоит Пресвятая Богородица,
Прем нея две свечи да воску ярого...²⁵

a

b

Орудия труда северных крестьян: *a* – пятизубый сошник архаичной сохи. (Из коллекции ЧКМ); *b* – коса из д. Ручевская Вожегодского р-на Вологодской обл. Фото С.Н. Иванова, 1986 г.; *c* – трепала для льна из районов Вологодской обл. (Из коллекции ВОКМ. № 11477, 13807, 14433, 27597/22); *д* – льномялки: корневая из Тотемского р-на (ВОКМ. № 1025/20 НВ), щелевая-столбовая из центральных районов Вологодчины (ВОКМ. Без №); *e* – швейки. (Фото из коллекции ВОКМ. № 5724, 19169, 21471, 14418)

в

На свадебных столах кануна венчания и утром этого дня хлеб и другие изделия из муки располагали особым образом. Например, в доме жениха накануне венчания в пригородных волостях Сольвычегодского у. это делалось так: мать жениха “накрыла стол домашней работы скатертью, положила на середине один на другой три хлеба, поставила сверху солонку с солью, с одной стороны хлебов – ендову с пивом, с другой – полштоф водки и рюмку, перед хлебом же две тарелки, одну с рыбным пирогом (преим-

е

д

мущественно с треской), другую с тремя мучными пирогами,ложенными так, что два лежали рядом, а один наверху. Хозяин зажег свечи перед иконами”²⁶.

А на Кокшеньге накрывали стол к приезду жениха в доме невесты следующим образом: «В центре стола два каравая друг на друге: внизу ржаной, сверху пшеничный или чаще два ржаных (реже – один каравай), а сверху витушка. В Шуповах так на эту витушку

еще клали маленький хлебец – “мяконький”, с которым в руке, позже невесту поведут за стол. Кроме караваев – “столовиков” и витушки – на стол ставят закуску: пироги, мучники, хворост, пресновики (кругом разложат), рыбники, студень (Верховье, д. Тырлынинская). Или уже когда сидят, принесут пирогов и разложат по краям». На стол не ставили ничего горячего, так как за этим столом до определенного момента не ели. Но даже тогда, когда начинали есть, обрядового хлеба не трогали. В Верховье стол, накрытый таким образом, сохранялся до хлебин²⁷.

Друг на друге располагали и два ржаных хлеба в Кирилловском у.²⁸: невестин – внизу, жениха – сверху. В д. Черняково (Тотемский р-н)²⁹ на стол во время девичника ставили два каравая, а сверху на них – витушку. Каравай пекла мать невесты, а витушку приносила божатка (ее крестная).

Известно, что за хлебом и солью всегда признавалось исключительное значение. Их почитали как символ благополучия, достатка. Неслучайно русское гостеприимство называется хлебосольством. “Хлеб на столе, – гласит народная пословица, – и стол престол, а хлеба ни куска – и стол доска”. Хлеб считался знаком божьей благодати, сътости, здоровья, а, стало быть, и счастья. “Хлеб – дар божий, батюшка-кормилец”, – говорили в народе.

Соль тоже была символом домашнего благосостояния и в соединении с хлебом означала богатство. Кроме того, она служила охранительным средством от чародейства. Известно, что соль с древности употреблялась при жертвоприношениях. Древнегреческий философ Платон называл ее веществом, “любимым богами”³⁰.

Кушанья, принесенные на стол в сакральное время, приобретали магические свойства. Расставленные особым образом хлеба и пироги являлись атрибутами этого действия. Так, ковриги хлеба, символизировавшие жениха и невесту, способствовали их соединению и сами имитировали его.

Итак, повторим, что накрытый скатертью стол с хлебом, солью и вином (пивом) олицетворял собой престол, жертвенник, подготовленный к действу, на которое приглашались высшие, сверхъестественные силы. Благодаря этому весь обряд приобретал мистический, сакральный смысл, становился таинством.

Сакральные напитки: пиво и вино

На подготовленном к трапезе столе всегда стояли енды с пивом и полштоф водки – традиционные участники магического ритуала. Они являлись древними (магическими) символами плодородия. Жертвенные возлияния в древности совершали все индоевропейские народы.

Древняя символика со временем наполнилась христианским содержанием и органично сочеталась с христианскими обрядами, например, с возжиганием свечей перед иконами.

Прагматика свадебного застолья

В этнографической литературе сведений о сервировке стола немного, и они фрагментарны. Уже говорилось, что расставленные на столе блюда закрывали специальными скатертями (*полустоловки*) или накидывали на них края основной скатерти. По свидетельству жителей современной д. Черняково Тарногского р-на, “когда на девичник насобирают на стол, а еще жених не приехал, то закрывают скатертями и не открывают, пока не выведут невесту, и потом все снимут и едят”. Так же поступали в других местах по р. Кокшеньге.

Для жениха и невесты ставили один прибор – тарелку, ложку, вилку, нож – и ломоть хлеба. Обычно они ничего не ели, а если и ели, то попеременно.

В д. Медведица Ростовской вол. Вельского у.³¹ на свадьбе, как, впрочем, и на других праздниках, перед каждым гостем клали *випущенки* – пшеничный калач величиной с кулечок, по форме напоминающий букву *в*. Иногда его делали постным, а иногда сдобным, а в нынешнем Тарногском р-не ставили перед каждым гостем: “мучник, рогулю (пирог с творогом), пряженник (небольшой кругленький пирожок простой), хворосточек (кругленький, тонкий, вытканный скалкой и помазанный маслом), пресновичок (заспанный, житняя заспа). Крупы намочат в простокваше и кладут – наподобие ватрушек” (д. Черняково).

В описании из Сольвычегодского у. обеда по случаю прихода свахи сообщалось, что “хозяйка покрыла стол белой скатертью, положила ложки по числу обедающих, у каждой ложки по половине нарезанного ломтиками ярушика, по крутяной, картофельной и сырной шаноге, поставила на стол яшный пирог с сайдой”³².

Идеально накрытый стол, описанный в приговоре дружки выглядел таким образом:

...На столах белодубовых
Набраны ли скатерки шолковые,
Есьва сахарная,
Питья мидяная?
Исподкладены ли
По краям ложечки
Ножики булатные,
Вилочки точеные,
Тарелочки золоченые?³³

Так спрашивал дружка, добиваясь должного порядка за столом.

Кроме того, в описаниях нередко упоминалась столовая утварь, в основном различные сосуды для пива и вина, употребляемые во время трапез. Это *братыня*, скопарь для пива, *руцёнок* – ручной деревянный сосуд для пива, *насадка* – боченок в виде ушата, ведра на три–четыре, ендова и т.д.

В качестве подноса использовали веко (хлебница) или крышку с большой круглой хлебницы, лукошко³⁴. Соль держали в бестряном *солонике*.

При рассаживании участников застолья традиционно соблюдался определенный и строгий порядок. При разнополом составе гостей соблюдали разделение на женские и мужские стороны (лавки). Как уже говорилось, лавка, идущая вдоль длинной стороны стола к шомныше, ближе к печи, была “бабьей”. Лавка, шедшая по короткой стороне стола, называлась “короткой”, или

мужской. Это соответствовало традиционному представлению о правой стороне как о мужской, с более высоким статусом, и левой стороне как о женской.

Во-первых, в таком порядке рассаживания отразились внутрисемейные отношения, характерные для малой моногамной семьи с отцовским счетом родства, при котором преимущество во многих делах отдавалось отцовскому роду. Во-вторых, каждому участнику застолья должно было принадлежать свое, достойное его место, которое соответствовало бы духовному, социальному и родственному (по отношению к жениху и невесте) положению (статусу) или свадебному чину.

В приговоре дружки об этом говорится так:

Извольте вы их садить
За же столы белодубовыя...
Подле князя молодово,
По правую сторону,
Садите хрестново батюшку,
По леву, хрестну матушку...
И всех честных гостей, полюбовных,
Изволите садить по чинам
И по местам почтенным,
Кому подле ково подлежит.
И садите вы их
Ни по уму ни по разуму,
Ни по платью цветному;
Но садите их,
По роду да по плименю.
Кто родом поближе,
Того садите повыше,
А кто родом подале,
Того садите к кути поближе...
А вы, полюбовныя гости, садитесь,
На нашего хозяина
Не гневайтесь, не сердитесь:
Всех вас в передний угол не посадить.
Хлеб-соль ясьва и угощеньё
Всем будёт одно!³⁵

Порядок рассаживания гостей, декларированный дружкой, соблюдался и в реальной жизни. Так, в среднесухонских деревнях в день “больших смотров” (канун венчания) за стол жених садился с угла, близко к сутнему (переднему) углу. По одну сторону от него садились породнее, что ближе к жениху и невесте³⁶.

В д. Зеленая Кадниковского у. “гости рассаживались по местам в следующем порядке: в подоконье (передний угол избы, где помещаются святые иконы) священник, по правую сторону его жених, по левую попадья и свахи жениха (невесту еще не приво-

дили за стол. – *T.M.*), остальные же поезжане кто и где, смотря по близости родни к жениху...”³⁷.

На Кокшеньге³⁸ в канун венчания в доме невесты за столом приборяне (сторона жениха) садились в определенном порядке. Сперва заходила “по солнцу” и садилась под “красные” окна сватья, оставляя место между собой и женихом для невесты, затем – жених, за ним – сват, затем – тысяцкий. Хряпчий и дружка садились на приставную лавку уже с наружной стороны стола. “Дружке и сватье надо сидеть по краям, ибо им приходится выходить из-за стола”. Об этом дружка сообщал в приговоре:

А меня, передоежжео дружку,
С молодым подружьем
На белодубову скамеечку,
К приголовочку³⁹.

В Кирилловском у. “слева, под святыми” садится *божат* (тысяцкий), справа – *божатка* (сваха) и родные, рядом с тысяцким – “большой боярин” (брать, дядя или сосед), дальше на углу – сват. Дружка не садится за стол, он – “на ходу”⁴⁰.

Порядок рассаживания за столом получил отражение и в причете невесты, в котором давалась эмоциональная оценка тех, кто сидел с ней во время застолья:

По мою-то руку правую
Сидит зимушка холодная.
По другую руку левую все морозы трескучие.
Супротив-то на скамеечке все выюги да переметные.
Извините-ко подруженъки, не с ума я слово молвила.
По мою да руку правую удалой да добрый молодец.
По другую руку левую сидят свахонъки приезжие.
А супротив-то на скамеечке поезжане все хорошие⁴¹.

Из этих примеров видно, что место под образами занимали люди, причастные к высшему миру, – священник, божат и божатка (крестные). Они исполняли роли посредников между застольем и высшими силами. Хозяева дома (родители невесты), как правило, за стол не садились.

Следует отметить, что при однополом составе застолья (например, на девичнике – *девичьем столе*) соблюдался тот же порядок за столом. Подруги невесты рассаживались за ним так: «В свадебный день (канун венца), около пяти часов в дом невесты собирались ее подруги – “челядь”». Невеста садилась в угол (“сама сидет в сутки”) и рассаживала девушек по правую и левую руку от себя, строго по чину: “По праву руку родню, а по леву каких-нибудь, шваль” (Илеза). Рядом с собой сажала ближайших родствен-

ниц, любимых подруг: “Девок садит по лавкам, которы близкие, тех по праву руку, чужие по левую” (Нижний Спас)⁴².

По данным М.Б. Едемского, невеста усаживала девиц по лавкам в кружок около себя, а сама сидилась в *сутки* (передний угол). Близкую родню со стороны матери невеста сажала слева, а со стороны отца – справа, затем располагались соседки⁴³.

В подгородных волостях Сольвычегодского у.⁴⁴ рассаживали подруг не только по родству, но и по социальному положению. Близких и богатых девушек невеста усаживала за передние столы, в передний угол, а бедных – за задние, на оставшиеся места. Если на девичий стол приходили парни, то им отводилось место “у порога”, как сообщали жители д. Гора нынешнего Сокольского р-на⁴⁵.

Итак, место за столом являлось определенным знаком в родовой (семейной), социальной и духовной иерархии.

Иерархия свадебных чинов вносила свои поправки в принятый за столом порядок. Жених и невеста (позднее молодые) по своему высокому обрядовому статусу были достойны занять самые почетные места за столом, а именно передний угол (*сутки*). В приговоре дружки из Сольвычегодского у. объяснялось, что жених может занять место “под святыми образами и воскояровыми свечами”, так как его в этот день “Бог почтил”. Для невесты сидение в сутках было не только почетно, но и сопряжено с большими переменами в жизни, которые сулили обычные в женской доле тяготы и печали.

О моральной ответственности хозяев при рассаживании гостей можно судить по текстам многочисленных причетов, в которых невеста объясняла, почему выбран такой порядок, извинялась перед подругами, что не смогла всех посадить на почетное место, просила их не осуждать ее за это:

...Не осердитесь, голубушки,
Да на меня, молодешеньку,
Дак рада, рада бы, девица,
Посадить вас, голубушки,
Я сама да подле себя,
Всех по правую руценьку,
У меня, молодешеньки,
Да одна руцька-то правая,
А вторая-то левая.
Дак возле правой-то руценьки,...
Сидит родимая сестрица.
Все по левую руценьку
Сидит касатая ластоцька,
Двоюродная сестрица...⁴⁶

Другой вариант:

Не осудите, голубушки,
На меня, молодёшеньку,
Котору местом повыщела,
Котору местом понизила.
Я бы рада, голубушки,
В ето-то времецько
Я бы всех вас в беремецько
Да руценьки коротёшеньки
Да в руцьках силки малёшенько...⁴⁷

Или:

Не осердитесе, голубушки,
На меня, молодёшеньку,
Я бы рада-радёшенька
Посадить вас, голубушки,
Всех к сибе да возле себя,
Всех по правую руценьку⁴⁸.

И в конце концов предлагала, “какой (подруге. – Т.М.) низко покажется” ее место, занять самое почетное (невестино) место. Сама же готова была занять другое, худшее – на лавочке под порогом и быть у дверей “приворотницьком”.

Следя сказанному, она действительно вставала и садилась “в под пороге”. (В Лохте и Верховье она вообще не садилась в сутки, а садилась на стул, лицом к девушкам.) Вот слова этих причетов:

...Дак вы садитесь, голубушки,
Да на мое место-мистецько.
Да отвицейте, голубушки,
Место меня молодёшеньки.
Да я пойду да молодёхонька,
Под порог-от на лавоцьку,
У дверей да во притворшицьки...⁴⁹

Вариант:

...Вы садитесь, голубушки,
На мое место-мистецько.
Я найду себе мистецько
Под порогом у конецька,
Уж я буду, жо, девица,
У дверей-то притворницьком⁵⁰.
(посидит у дверей. – Т.М.)

Вариант:

Сизые вы голубушки,
Да милые вы подруженьки,
Не осудите, голубушки,
Да на моё место-мистечко.

Рада я, молодешенька,
Все во это-то времечко,
Всех захватить-то во беремечко,
Поприжать ко сердеченьку –
У меня, молодешеньки,
Рученки коротёшеньки,
Да в плечах силки малёшенько.
Дак кому худо-то кажется,
Дак это место не глянетсѧ –
Дак вы садитесь, голубушки,
На мое место-мистечко⁵¹.

Такое умаление себя и вместе с тем проявление подчеркнутого уважения к девушкам, видимо, полагалось по этикету и вполне соответствовало образу горемычной невесты. В своих причитаниях она доходила до полного отчаяния и просила у Бога “скорби-боли тяжелые”, “смёртоныки скорые / Пока душа-то безгрешная, / Голова безвенецьная” (Лохта, д. Русаниха)⁵².

Девушки на девичнике, напротив, были нарядны и веселы и, казалось, действительно были более достойны почетного места. Но, предлагая свое место, невеста предупреждала подруг, что ее место не простое – “мое место вертецее / По всей избе ходящею” (Лохта, д. Алешиха). И как бы в доказательство этого она действительно стояла, держа стул за спинку, и вертела им, “хлестала стулом”, т.е. ударяла им по полу так, что порой разбивала его (Лохта, Верховье). Видно, в этом образе (“вертящего места”) был намек на изменчивость положения невесты, на ее переход, превращение из девушки в замужнюю женщину.

Кроме того, невеста предупреждала девушек, что, сев на ее место, они будут и отвечать за нее: “...отвецайте, голубушки / Да за меня молодешеньку” (Илеза), т.е. заменить ее “в сегодняшнюю ноценьку”.

Она поясняла, что ждет ее дальше, отмечая основные этапы ритуала:

У меня молодешеньки,
Сегодня-то ноценъка
На три трети разложона.
Первая-то треть ноценъки –
Надо ревить, надо плакати.
(т.е. опричитывать родных на приплаканье. – Т.М.)
А што другая треть ноценъки –
Надо бело умыватисе,
Надо бодро наряжатисе.
(для того, чтобы совершить обряд выводов перед столы. – Т.М.)
Третья треть ноценъки –
Меня поставит-то батюшко
Перед столы те дубовые,

На стыдливоё мисте́цько,
Со чужим-то чуженином
На одну половиценьку.
Мне стыдом не стыдитися⁵³.
(т.е. участвовать в обряде благословения. – Т.М.)

В завершение причета, красочно описав тяготы, связанные с почетным местом, невеста сожалением констатировала, что никто из девушек не хочет занять ее место:

Видно нет, не находите
На моё место-мисте́цько,
Моё место не крепкоё,
Моё место вертецеё,
По всей избе-то ходящеё.

(Лохта, д. Алешиха)⁵⁴

Или:

...Не стают-то подруженьки,
Да на моё да место-мисте́цько.
Не отвицеют голубушки
За меня, да молодёхоньку.
Видно, идти да молоде
Да на своё да место-мисте́цько,
Отвицеть, да видно, мблоде,
Да мне самой и за себя...

(Нижний Спас, д. Горка)⁵⁵

Действительно, согласно ритуалу, на предложение невесты все девушки вставали, кланялись в пояс и благодарили: "...Больно дородно (имя невесты) отказываясь от предложенной чести" (т.е. спасибо, невеста! – Т.М.)⁵⁶.

Место жениха и невесты оформляли особо. На лавку, где им предстояло сидеть, стелили овечью шкуру шерстью вверх (Ухтомская вол. Кадниковского у.). Обычай сажать молодых на вывороченную овечью шкуру был распространен по всей России и в некоторых юго-западных славянских странах. Он был связан с поверьем, что бараний мех действует на человека благотворно, делает его сильным и здоровым, предохраняет от чародейства, освещает его. Это представление восходит к древним верованиям, согласно которым баранья шкура принадлежала жертвенному животному, принесенному в дар божеству, покровителю брака. Сидение на такой шкуре устанавливало связь с божеством, обещало его покровительство.

В Кирилловском у.⁵⁷ на поперечную лавку, где должны были сидеть жених и невеста, стелили "ласкунчик", а за ним шубу, не-пременно воротником к жениху, а под нее клали две-три копейки. По-видимому, в этом варианте больше проявляется магия, продуцирующая богатство.

Обычай сажать жениха и невесту (а потом молодых) на лавку, покрытую мехом, получил отражение и в приговоре дружки, ратующего за соблюдение за столом должного порядка. “Все ли в вашем доме исправно?” – спрашивал он и сам же возглашал:

И садите вы ево
(князя молодого, новобрачного. – Т.М.)
За столы белодубовыя
За скатерти шолковыя.
За ясьва сахарныя.
За пития мидяныя,
Во передний угол,
На белодубовую лавочку,
На кунью шубочку,
Собольи лапки,
Под светлые образа,
Свечи воскояровыя,
На почтенное место,
Где ево на сей день Господень
Бог почтил (=на венчание. – Т.М.)⁵⁸.

В приговоре свахи из Сольвычегодского у. сообщалась еще одна деталь этого обряда. На скамейку под жениха и невесту предпочтитали стелить белую овчину, чтобы у молодых был мир в семье:

С Богом садитеся,
С Христом садитеся.
Подослана овчинка белая,
Подослана не разношерсная,
Не будите вы ссоритьча,
Не будите вы бранитьча⁵⁹.

В книге Д.М. Балашова, Ю.И. Марченко, Н.И. Калмыковой “Русская свадьба” есть уточнение, что на Кокшеньге жених с невестой далеко не всюду сидели на овчине. Лишь в Илезе сажали на шубу, а в самых низовьях Кокшеньги – на тулуп. В иных волостях на лавку под жениха с невестой стелили войлочную полсть из саней. “Возможно, – предполагают исследователи, – тут кроется какое-то добавочное значение (не символизировала ли полсть предстоящий путь?)” (=путь к венцу. – Т.М.)⁶⁰.

Существовал определенный обычай, как следует идти невесте к столу на свое место. Например, в верховьях Кокшеньги и на Уфтуюге невеста становилась на лавку и проходила за спинами вставших в тот момент поезжан. Она шла *посолонь* (по солнцу), обходя сидящих с краю стола свата, тысяцкого и жениха. Идучи по лавке, она причитала: “Дай-подай, Боже-господи, миновать три заставы великие...”. Этот эпизод часто превращался в довольно сложный ритуал⁶¹.

Поведение за столом

Поведение участников застолья регламентировалось определенными нормами, которых следовало придерживаться, чтобы не вызвать осуждения.

Хозяин дома должен был пригласить всех к столу. Перед трапезой совершалась молитва перед иконами с зажженными свечами и клались поклоны на все четыре стороны. Жениха и невесту (вместе и порознь) должны были особо благословить на трапезу. В д. Мольбищи⁶², расположенной недалеко от Вологды, отец и мать благословляли жениха и невесту сначала иконой, потом хлебом-солью и только после этого их сажали за стол. Этот обычай отразился в причете невесты из Васьняновской вол. Кадниковского у.: “Мой сударь сердечный батюшка / Ни имения, ни богатства, – (прошу. – Т.М.) / Дай мне благословеньице / Сесть за столы, да за дубовые”.

Заняв свои места, участники застолья не могли приступить к еде, пока священник или другое достойное лицо не дает разрешения “ести и пить” (или священник не прочитает молитву и не благословит трапезу).

Начало застолья, происходившее в пригородных волостях Сольвычегодского у., Н.Г. Ордин описывал так: «Сначала дружка обратился к хозяевам с просьбой произнести “Свято”:

Из всего роду племени.
Из братьей родных,
Или из шурьей дорогих,
Вы к белодубовым столам приступите,
Поищите из всего роду племени,
Кто бы нам “свято” проговорил?
И имеетча ли в вашем благодатном доме
Из попов, дьяконов, дьяков, пономарей
Из грамотных людей?
Изволько бы “Свято” проговорить
Сами скажете
Или нам прикажите?

Хозяева отвечали:

“Мы вам приказываем”»⁶³.

«Тогда дружка продолжал:

“Извольте к белодубовым столам приступить.
Свечи воскояровые к святым образам засветить”.

Хозяин подошел к образам и засветил свечку – все, кто сидел, встали, а дружка прочитал “Свято” (“Отче наш”) и погасил свечку. Хозяин с хозяйкой просили гостей садиться за стол и когда они

уселись в прежнем порядке, дружка заговорил:

“Княгини молодой батюшко родной, матушка родная,
Извольте к столам приступить,
Со стола пиво снести,
Есьво, хлеб-соль принести”

Хозяева подошли к столам, сняли полотенце и просили гостей кушать»⁶⁴.

В пригородных волостях Сольвычегодского у. так же никто не дотрагивался до кушанья и во время девичьего стола, пока женщины, сидящие в кути, не пропоют “Стольной песни”:

Да уж вы, подружки, подруженьки,
Подруженьки мои,
Сизая голубушки!
Моя перва сиза голубушка
(которая сидит в переднем углу),
Садилася выше всех,
Да клонила головушку пониже всех...
Да ты попей-ко, поешь-ко,
Моя сизая голубушка,
Моево соли, хлиба во последниё,
Моя соль, хлеб великая...⁶⁵

Так пели второй и третьей подруге. В этой песне женщины не обращались к небесным покровителям, они лишь приглашали девушек приобщиться к “моя соль, хлеб великая”. Тем не менее, это несомненный рудимент древнего моления перед едой.

Поведение участников любой трапезы отличалось чинностью, порядком и достоинством.

Праздничные, торжественные застолья вносили в это обычновение значительные изменения. Не были исключением и свадебные пиры. Для их проведения избирали специальных руководителей, ведущих застолье. Да и каждому свадебному чину (и участнику) отводилась своя роль, определявшая и соответствующее поведение.

На застолье (*пировство*) в канун венчания роль ведущего отводилась дружке (или свату). Он балагурил и веселил публику шутками, члобитными и приговорами. Одновременно с этим, шутя и наставляя, учил уму-разуму, поощрял за ум и доброту, за щедрость, порицал плохое поведение, т.е. исподволь воспитывал (по существу он был не только церемониймейстером, но и воспитателем). Его этикетное поведение, подчеркнутая вежливость полностью соответствовали обрядовому образу “дружки вежливого”. Он подносил и менял угощения, соблюдая предупредительность и деликатность. И сам же отмечал в приговоре: “Ножки с

походцом / Белы ручки с подносцом... / Голова с поклоном – / и милости просим / пить подносим... / В Божью славу, в тул (туловище. – Т.М.) / Да сало, в буйную голову Вам испить / А мне челом ударить” (Никольский у.)⁶⁶.

Все “яства” и пироги дружка подавал, принося их на голове в больших деревянных блюдах, накрытых сверху такими же блюдами (Васьяновская вол. Кадниковского у.). С подчеркнутой церемонностью он каждый раз обращался к хозяевам с просьбой разрешить ему то или иное действие. Например: “Штё, сами будете подносить, али нам прикажете?” На что хозяин неизменно отвечал: “Вам приказываем”. Или: «И ешщё я хочу у вашей милости спросить: “Вы сами будите / Ешщё есьво (кушания. – Т.М.) на стол подностить / Или нам прикажете просить?” – “Мы вам приказываем”», – отвечали хозяева⁶⁷.

Свое право на присутствие и подобное поведение дружка объяснял так:

Я не сам собой сюда приехал,
Не нахально, не навально,
Не самовольно. Позван.
С приказу ево,
Голубя сизово,
Лебедя белово,
Сокола яснова,
Князя молодого новобрачного,
О чем имею доложить⁶⁸.

Заметное оживление в торжественное застолье вносили причеты и песни девушек, сидящих в кути (за общий стол их не сажали). Девушки величали и корили гостей, за что их одаривали деньгами и угощали вином и пивом. Их песни и причеты развлекали гостей и в то же время помогали сблизиться, привыкнуть друг к другу еще недавно малознакомым людям. Церемония величания гостей (воздание чести гостям и хозяевам), их славление связаны, как считает И.А. Морозов, с общим происхождением понятий “честь” и “часть”. Оказание чести связано с наделением долей (т. е. выделение части из общей доли) в виде угождения и напитков. В ситуации праздничного застолья это имеет магический смысл, поскольку пир является моделью желаемого будущего. “Получивший много чести, получит лучшую долю, в том числе и лучшую судьбу”⁶⁹.

Поведение жениха и невесты в ходе застолья отличалось подчеркнутой скромностью. Они всячески оказывали уважение всем присутствующим, постоянно кланялись и благодарили. При этом они ничего не ели (в основном из-за боязни порчи). Их заставляли целоваться, помогая этим их сближению, приучая друг к другу.

Родители невесты и жениха, как правило, за стол не садились, на это время их представляли тысяцкий и сваха или крестные родители (божат с божаткой). Сами же хозяева (родители) старались как можно приветливее и щедрее принять гостей. Они при служивали за столом, упрашивая гостей побольше есть и пить – “мать круг печи, а отец – круг вина и пива” (Средняя Сухона)⁷⁰.

В “прибор” свату жениха входили персонажи, действующие во время застолья, например, *храпчий*, или *хряпчий*, а в Лохте *хребец* (переиначенное древнерусское *кравчий*). Храпчим обычно был кто-нибудь из родни жениха – зять, двоюродный дядя или еще кто-то, но обязательно мужчина. Он резал пироги. В д. Ступловская Тотемского у. за обедом рядом с храпчим сидел *костоглот*. Его обязанностью было доедать оставшееся.

Поведение гостей в застолье не всегда зависело только от их свадебного чина. На него могли влиять и другие факторы, например, социальное положение. Вот небольшая зарисовка ужина на девичнике. Во время ужина невеста и ее отец угостили подружек водкой и пивом: “Богатые подружки степенились, т.е. ничего не ели и не пили, потому что на них из толпы зрителей и с полатей смотрели женихи, бедные же ели во весь рот и усердно пили пиво, а водку только прикушивали, так как девушки вообще не пьют водку при зрителях”⁷¹. Словом, каждый участник застолья (и даже шире – обряда) как мог играл свою, заранее известную роль. Разнообразие этих ролей, допускавших импровизацию, создавало многокрасочное действие, сочетающее серьезную, порой печальную торжественность с яркой и грубоватой народной праздничностью.

Конец стола, как и его начало, оформлялись особыми действиями, знаками. Как знак близкого окончания трапезы подавали специальное разгонное блюдо – *разгоню* (более подробно о нем будет сказано ниже).

Сигналом к завершению стола могла быть и песня. Например, в д. Черняково девушки запевали: “Эти честные гости / За столом заблудились / Киселем подавилися, / Молоком захлебнулись”. Или дружка подавал команду: “Ну-ко, свашенька, вилицай хлеб-соль”. Она подходила и, кланяясь, говорила: “Больше потцевать нецем”. Видя и слыша это, гости вставали, кланялись и благодарили за угощение: “Благодарим, свашенька, за хлеб-соль”.

В некоторых случаях благодарность за угощение сопровождалась заклинаниями или пожеланиями урожая и здоровья домочадцам. Например, после ужина невеста благодарила своих родителей за хлеб, за соль следующими словами: “Много я тебе благодарствую, / Родимый мой батюшко / И родимая матушка..., / Я вам на хлебе, на соли. / На вашей добродетели / Отпила да отку-

шала, / В любом месте отсидела...”. А заканчивала причет чем-то вроде заклинания земледельца, просящего о хорошем урожае: “Тебе хлеба хорошего, / Тебе ржи грядистыя, / Ячменя колосистова, / И овса-то брунистого (многозернистого. – Т.М.) / И пшеница белоярова, / Тебе пшеницы хорошия. / Народи тебе, Господи, / Тебе ржи-то хорошия – / По три колоса на волоти (на стебле, на волокне. – Т.М.) / Во всяком колосочке / По семи-сот зёрняток, / Изо всякого зернятка / По караваю хлеба белова”⁷².

Подобным образом заканчивался ужин в Кирилловском у.:

Слава, слава Тебе, Господи,
Напилися да наелица,
В большом месте насидалися.
Красной ложкой нахлебалися,
Из красна ставшка точенова
Моя есва (еда. – Т.М.) сахарная во грудях да застоялася.
Моя питья медявиная во устах да застоялася.
Поисполни, Христос истиной,
Доборохоту свату батюшке
На лето на теплое
Ему ржи-то хорошие,
Пшеницы белояровой,
Што моей сердешной матушке
Льну головочистова⁷³.

По воспоминаниям жителей, в д. Гора современного Сокольского р-на бытовал еще один, видимо, более поздний вариант благодарности – мольбы: невеста перед образами просила здоровья для всех родных: “Я еще-то поклон кладу / За восхоже красно солнышко. / За родимую матушку. / За родимого батюшку / За родимую сестрицу / За родимых братиков, / Всем молю я здоровьица...”⁷⁴.

Заклинание на урожай здесь вполне уместно, особенно если вспомнить, что свадебный обряд некогда был органичной составной частью календарного цикла.

Свадебная пища

Пища – основной источник жизни у всех народов – с древности почтась жертвой, которая посредством ритуальных действий связывала людей с высшими силами. Поднесение пищи воспринималось как контакт человека с божеством. С ее помощью стремились умилостивить его, выказать свою любовь. Благодаря наделению пищи свойствами жертвы застолье трансформировалось в сакральный акт. “Второй после жертвоприношения фундаментальный признак вкушения пищи, – отмечает Н.А. Хренов, – приобщение к сакральному, причастие, или евхаристия”⁷⁵. Обрядовая пища обладает, по народным представлениям, способно-

a

b

Участники деревенских застолов: а, б – женщины в праздничных костюмах. (Д. Конаково Каргопольского у. и д. Княжиха Тотемского у. 1924–1925 гг. (Из коллекции ВОКМ. 1001/. Ф.961, 949); в – деревенский дружка. Северное Приуралье. Фото С.Н. Иванова, 1981 г.; г – жених и невеста с гостями на бракосочетании. С. Усть-Алексеевское Устюгского р-на. Фото С.Н. Иванова, 1987 г.; д – праздничное застолье в с. Михалево Тотемского у. 1914 г. (Из коллекции ТКМ)

стью влиять на все, что с ней связано, в частности, на судьбу человека. Известно также, что приобщение к одной пище множества людей способствовало их объединению, сближению, т.е. в данном случае пища выполняла важную социальную функцию. Кроме того, “съеденное и выпитое символизировало окончательность бесповоротность действия”⁷⁶.

Учитывая все это, а также желание хозяев не ударить в грязь лицом и уважить гостей и новую родню (а иногда и похвастаться

в

г

д

достатком), родители невесты и жениха старались как можно лучше угостить всех приглашенных.

Характер пищи, подаваемой в канун венчания в домах жениха и невесты, различался в зависимости от характера трапезы. Это были и обыденные, так сказать, ординарные застолья, и обеды и ужины с участием гостей, и торжественные свадебные пиршства.

В своей основе еда на всех этих трапезах была схожей. Отличия сводились главным образом к количеству и разнообразию блюд и к сопровождавшему их этикету.

Вероятно, имеет смысл более подробно остановиться на торжественном пиршестве, так как оно дает более исчерпывающее представление о всевозможных меню.

В этом случае пища отличалась доступными крестьянину разнообразием и богатством. И хотя угощение, как отмечалось в одном описании, было “сообразно с достатками отца и матери невестиных”, все же всегда старались угостить на славу и приготовить как можно больше блюд. Считалось, что чем больше перемен, тем славнее стол.

В этом можно увидеть не только щедрое гостеприимство, но, может быть, и отголосок древнего верования, до сих пор бытующего у южных славян: сколько разных блюд попробует человек во время застолья, столько же у него прибавится здоровья.

Свадебная трапеза обычно начиналась с разрезания свадебного каравая или подачи кулебяки из белой муки (в Никольском у. “кулебякой” называли пирог с рыбой), в некоторых местах – с чая или булок (Вологодский у.).

Следует отметить, что на свадебных застольях подавали множество пирогов и других изделий из муки, что, впрочем, естественно для стола земледельца. Описание угощения на *сидинном столе* (происходящем на *сидинах*) в Кадниковском у. дает достаточно полное представление о наборе подаваемых блюд. «Напекают десятки пирогов и преимущественно т.н. “круглых”, которые и подают во вторую половину стола один по за другому, иногда смен до десяти, и хотя есть их мало совсем едят, потому что к этому времени частью уже наедятся, а главное, напьются, тем уже не до пирогов бывает. Первый пирог бывает с яйцами, далее идет с изюмом простым, крупным, с вареным и проч. Пироги сверху украшаются разными фигурами и часто вся разница состоит только в фигуре украшения. Заготавливают достаточное количество говядины и студней “говяжьих” или “бараньих”. Для жаркого, которое здесь зовут “середкой”, заготавливается задок бараний или свиной, которые начиняют целыми яйцами и пшеном... Потом тысяцкий, на обязанности которого лежит готовить все кушанья, резать, солить и подчивать, молодых “кормить”, разрезает середку, вынимает яйца, разрезает их на куски и на тарелке обносит всех, начиная с новобрачных. Их берут вилкой или рукой, высказывают пожелания: новобрачным счастливой жизни и здоровья и перекрестившись, съедают»⁷⁷.

Несомненно, разрезание и раздача пирога (части от целого) и тем более яиц (яйцо – символ плодородия) в своей основе явля-

лись многозначным магическим актом, способствующим не только закреплению родственных связей, но и продуцирующим плодовитость, богатство и здоровье присутствующим (но главным образом жениху и невесте).

Состав угощений в разных районах имел локальные особенности. Они заключались в наборе блюд, способе их приготовления, последовательности их подачи. Вместе с тем все они, как уже говорилось, основывались преимущественно на продуктах, распространенных в данной местности.

Например, в Никольском у. подавали студень, который запивали водкой, затем щи и водку, кашу пшенную на молоке и водку, лапшу и водку, оладьи и водку, жаркое с сальником (крупа, перемешанная с салом) и водку, дроchenое – одну большую гороховую оладью на сковороде, которая разрезалась на кусочки и подавалась на стол с горшком масла.

Гости брали дроchenое руками, мочили в масле и ели. Затем следовали пять или больше видов пирогов, и, наконец, *разгоня* – маленькие пустые пирожки в закрытых блюдах.

В д. Третниково Вологодского у.⁷⁸ в качестве угощения подавали студень, щи, *ушное* с яйцами рубленными и молоком (*ушное* – мясной навар, лапша или похлебка из бараных черев), жаркое, коровашник (*караваец* – крутая каша, запеченная в миске, лотке и выпрокинутая), плечо баранье, начиненное пшеном с маслом и целым яйцом, жареную телятину. Затем шла целая серия пирогов. После каждой смены угощали водкой. В заключение приносили три булочки на тарелочке (разгонное блюдо). После “разгони все выходили из-за стола. Стряпать нанимали на рочных”. В д. Мольбищи того же уезда сначала разрезали пироги с рыбой. После пирога был студень, скромные щи, жаркое, печь-коровашник, пироги. Первый пирог с яйцом, второй – с изюмом, третий – с постилой, четвертый со смородиным вареньем, пятый – с вареньем клубничным. Все пироги были круглые, узорчатые, с разными кружками. Пироги “басили” (украшали. – Т.М.) ягодами “кто как издохнется”. Последний – шестой – пирог назывался “выходной”. После него все гости выходили из-за стола и благодарили “за хлеб, за соль сватушка и свахоньку”. После этого одевались, провожали с водкой.

В перечне блюд обращает на себя внимание обязательность разгони – последнего, завершающего застолье блюда. И это постоянство не случайно, так как оно соответствует представлению об обрядовой обязательности первого и последнего угощения, так как “подача последнего блюда обычно подразумевает восстановление некого *status quo*, нарушенной гармонии, возмещение хозяину его доли”⁷⁹.

Описания вологодской свадьбы дают богатый материал для понимания природы разгони, поскольку формы и виды разгоней, бытавших в этих местах, весьма разнообразны. Например, на Средней Сухоне последней переменой на *смотряной день* были шаньги (их по-разному украшали и ставили разные фигурки). Шаньги клади одну на другую – “грудой”. В д. Черняково Маркушевского с/с Тарногского р-на подавали кисель (“выгоняло” – *витень*).

В пригородных волостях Сольвычегодского у. разгоней было “пресное коровье молоко”, а в Никольском у. – “маленькие пустые пирожки в закрытых блюдах” и т.д. После подачи этого угощения гости должны были встать и, поблагодарив хозяев, покинуть пиршество. Промедление грозило неприятностями. Например, в Белозерском у. *подоплечницы* (девушки, которые водят невесту) причитали замешкавшемуся свату: “Ты кормилец, сударь батюшка, / Проводи-ка свата из дома, / Бери да свата под руки, / Сади-ка свата на дровни, / Вези да свата на гору, / Пусти-ка свата под гору, / Пусть сломает сват да голову...”

Как можно заметить, большинство кушаний употреблялось и в обыденной жизни. Такие же угощения подавали и на других праздничных застольях. Вместе с тем многие из повседневных блюд, попадая на свадебный стол, приобретали свойства ритуальных, символических. Такими были хлеб (и его разновидности), саломат⁸⁰, витушки⁸¹, *краяное*⁸², каша, кулебяка с рыбой (в качестве первого блюда), различные разгоны.

Восприятию ежедневной пищи как особого, ритуального блюда помогали фольклорные тексты. В этих речевых формах и отражалось народное миропонимание.

Поэтические образы преображали повседневную еду, придавая ей значительность и праздничность. Еда становилась символом благополучной, сытой и сладкой жизни, символом, магически воздействующим на реальную жизнь.

Например, дружка описывал изготовление краяного, раздавая его гостям на сватанье, следующим образом:

На плите краяны,
Печены в Казане,
Пшенича была вячъка,
Мед казанськой
Три парня стояло,
Два парня трепало,
Две девки скакало,
А третий парень
Сзади хвалит,
То-то пряник, то-то сладкий,
На конечь пряник ставит,
С конча мед каплет⁸³.

Нередко одно и то же угощение в разных обстоятельствах могло иметь разное значение. К примеру, чудесно изготовленная (судя по тексту причета) витушка могла быть даром, надеяющим благополучием и достатком, объединяющим тех, кто удостоился получить от нее кусочек. В то же время она (витушка), принесенная и подаренная невесте ее родной теткой на девичнике, становилась символом разлуки, отделяющей ее от родного дома, так как психологически связывалась с последними часами пребывания в нем. Об этом невеста говорила в причете так:

Благодарю, низко кланяюсь,
За витушку круписчату!
Твоя витушка круписчаты –
Она на масле растворена,
Да на сметане замешана,
Она медом-то помазана,
Она сахаром пересыпана.
У тебя, моя сёстрица,
Не витушка круписчаты –
Да все разлука великая...⁸⁴

Помимо обычной пищи, обретавшей в ритуале свойства обрядовой, подавались кушанья, специально приготовленные для этого случая, например, каравай, украшенный двуглавыми уточками на палочках (нынешний Череповецкий р-н), курник (бывший Вельский у.), большой пряник в три четверти аршина длиной и половину аршина шириной, в середине которого была изображена рыба (Стрелицкая вол. Тотемского у.)

Следует упомянуть еще об одном обычаяе, связанном с праздничными застольями. Существовала материальная помощь гостей устроителям застолья. Она выражалась в том, что гости (родня и соседи) приносили с собой что-нибудь из еды, например, упомянутые витушки (д. Столовская, Тотемский у.), яйца, кулебяки, разные пироги (Никольский у.), каравай хлеба (Новленской вол. Вологодского у.). Принесенная еда, помимо реальной помощи хозяевам демонстрировала единство рода и “привлекала” достаток и благополучие к дому.

Напитки на свадебном застолье

Существенную часть угощений составляли пиво и вино (водка). В своей первооснове, как уже говорилось, угощение вином и пивом также было магическим актом, жертвоприношением, совершаемым по случаю начала или конца какого-то дела. Им закрепляли достигнутые соглашения. Обычно возлияния такого рода сопровождались заклинаниями, о чем и теперь напоминают

такие устойчивые присловья-формулы, как: “с началом дела”, “...да всему делу конец”⁸⁵.

Употребление вина и пива в свадебном обряде сопровождало множество действий и ритуалов. С помощью пива и вина осуществлялись выкупы, одаривания, выражалась благодарность, проявлялось гостеприимство, сплачивались и объединялись люди, семьи, роды и многое другое. При этом ритуал угощения мог быть предельно простым. Он мог подкреплять высказанное благопожелание, поцелуй жениха и невесты, а мог преобразиться в особо значимое, самостоятельное и развернутое обрядовое действие – ритуал в ритуале, как это происходило при взаимных угощениях и одаривании сторон жениха и невесты или в обряде под названием *призывание к вину, приплакивание к пиву*⁸⁶.

Например, одаривание и угощение вином жениха и его поезжан дружкой невесты или ее братом на сватанье происходило следующим образом: «Брат взял ендову со шкафа, отворил шкаф, взял стакан с “сестриным потом”, налил его водкой, поставил в ендову и туда же бутылку с водкой, а родной брат Тани (невесты. – Т.М.) поднос, положил, для тысяцкого, крестного и жениха по полотенцу. Лучшее полотенце назначалось жениху, второе по достоинству – крестному, а третье – тысяцкому. Сверху каждого полотенца тоже положили по прянику. Под полотенцо-же жениха положили кусок жилеточной материи и платок, а потом пошли из кути. Когда молодые люди появились из-за занавеси, подошел Иван Петрович (отец невесты. – Т.М.) и положил сверху женихова подарка пачку кредиток, остальные деньги по договору. Дружка с товарищем начали с Петра (жениха. – Т.М.). Дружка сказал:

– Отведайте вина, князь молодой, боярин большой, за морем оно за синим куплено.

Петр выпил стакан и поблагодарил.

Подошел брат Тани, поднес дары и сказал:

– Не побрезгуй, князь молодой, боярин большой, подарочком княгини молодой: не дорог он, да от княжеской руки!

Затем подчивали и одаривали отца (крестного. – Т.М.), а потом и всех по порядку.

Девушки в кути пели в это время: “Не было витру, да навиляло...”, “Петухи не певали”»⁸⁷.

В других случаях угощение пивом и вином могло проходить в виде игры, состязания, как это было, например, на пропивках в доме жениха в Ухтомской вол. Кадниковского у.: немного угостив, отец жениха вел отца невесты в погреб “ко всему пиву”, где тот выбирал по своему усмотрению “насадку” (бочонок вроде

ушата, ведра на 3–4) или две (сколько было ряжено). Выбрав пиво, будущий тесть распоряжался им по своему усмотрению и угощал ту и другую сторону родни как бы своим пивом, но закуска целиком была от жениха. Так же поступали и с водкой, если она была “выряжана” на сватовстве.

Обыкновенно этого пива или водки не хватало, и тогда отец жениха приносил свое угождение и пир продолжался. Первый стакан пива из насадки тесть обязательно подавал жениху и всей его родне. Когда обе насадки были выпиты, жениха приглашали к столу. Знахарь или тысяцкой стелил ему под ноги *повстерь* (скатанное из шерсти одеяло, которым покрываются в дороге при холодной погоде), чтобы предохранить его от порчи, и тоже наливал ему пива. Жених в свою очередь наливал столько же тестю и требовал от него посоревноваться: “Кто скорее выпьет?” Кто выпивал первым – похвалялся. Такое соревнование продолжалось до трех раз. Распивая пиво “по долгу вежливости”, зять с тестем обязательно обменивались стаканами. В последний раз жених клал в стакан тестя серебро (несколько монет), а тот вынимал из-за пазухи приготовленный заранее плат-повязку, расшитую как можно замысловатее и украшенную лентами⁸⁸.

Угощение некоторых застолий кануна венчального дня состояло из вина и пива. Пример такого стола – обряд под названием “призывание к вину”, “приплакивание к пиву”⁸⁹, совершившийся обычно на девичнике до приезда жениха. Он бытовал в основном на Кокшеньге и заключался в том, что невеста угощала пивом мужчин “со своей стороны”, главным образом парней или родню, тем самым выражая благодарность за совместно прожитые годы и в то же время как бы выкупая у парней своего круга право на брак. Угощение сопровождалось причитаниями невесты и девушек. Девки – подруги невесты – уже собраны. Парни также пришли заранее и толпятся на пороге... Перед невестой 12 стаканов, в которые наливается тотчас, как гости выпьют. «Это хорошее, неразведенное пиво. Бочка жиделя – второго перевара – стоит рядом, просто так, из нее пей хоть ковшом любой и каждый.

Подходят к невесте... только мужчины. Иногда первым подходил отец, который в этом случае дает деньги за полетки – прожитые лета. За ним – мужчины-родичи. Им следует от невесты большой причет. Невеста подает пиво и кланяется. Парням, что подходят следом, причитают – приплакивают – уже одни девушки. И заводят каждый раз одно и то же: “Приходил да и ска-, приходил да и сказывал / На Ивана ука-, да на Ивана указывал...” Названный выпивал стакан (кто не застесняется, и больше), а то всего полстакана из приличия и отходил в сторону. Всех пропустить довольно долго»⁹⁰.

В деревнях Лохте, Верховье и Верхнем Спасе⁹¹ этот обряд происходил так: “Невеста стоит, кланяется. Божатка – крестная – наливает пиво, а невеста подает на подносе, каждо по отдельности. А ребята тут уж все соберутце. Приплачут, а кого вызвали надо полстакана выпить, не весь, а на поднос ложат деньги. (Стакан доливают.) В первую очередь приплачивают близкую родню, потом парней, а девушек не приплачивают”.

Случалось, на одном застолье кушаньями угощала одна сторона, а питьем – другая, или сначала тем и другим одна сторона, а затем – другая. Так стороны жениха и невесты показывали свое желание сблизиться, “сдружаться”. Это был этикетный знак налаживания добрых отношений.

Вино, как и пища, могло в зависимости от ситуации выступать в роли объединяющего начала, служить соединению людей, но вместе с тем быть и символом разлуки. Вот как об этом причитала невеста “на поварне”:

...Ты на што жо, мой тятюшко,
Варишь пиво ты пьяное,
Да двоевару-ту хмельную?...
Варит-то мой тятюшка
Он не пиво-то пьяное,
Не двоевару-ту хмельную –
А все разлуку велискую...
Видно разлучит пиво пьяное
Да и двоевара-та хмельная,
Меня молодёшеньку,
С батюшком да и матушкой
Да и со всей родней-то сердечною⁹².

В создании образа-символа пива немалую роль играл фольклор. Приведем характерный приговор дружки:

...У нашего князя молодово новобрачново
Пиво сварено,
Медом наживлено,
Солод вязьской,
Хмель казанской,
Хмель сажён зеленым вином поливан,
А шишечки завязались,
Сладким медом наливались!
У нашево князя молодово новобрачново
Пивовары моськоськи,
Солода ростоськи.
У нашево князя молодово новобрачново
Чаны дубовы,
Лопаточки виресовы (можжевеловые)
Пиво варено,
Каменьем кипечено,
От каменья-то ключ пробило,

На нашем пиве пены клубок –
Не можно продуть!
Кто евту пену продует,
Тот в лапти обуёт,
Губы надуёт,
Сопли распустит,
Песенки запоет,
С ног не спадет
И домой пойдет.
Ах! Пивчо как суслечо!
Чашечку прибоча,
В устах примоча
В чашечке не станет,
К ретиву серьчу пристанет.
Уста ваши слипаютча,
Ножки подшибаютча,
С ног чулки опушшаютча,
Извольте принять, не посердитча.
Принимайте за мало,
Почтите за благо⁹³.

Костюм в застолье

В ритуале застолья важная роль отводилась одежде присутствующих и особенно одежде невесты. С помощью платья определялось и демонстрировалось назначение персонажа в обряде и часто даже выражалось его психологическое состояние. Например, если на девичьем столе невеста, как правило, была в повседневной одежде и с открытым лицом (до этого ее лицо закрывали платком), то, с одной стороны, это означало, что она все еще находится в прежнем качестве – девушки на выданье, невесты и пребывает в своем доме, со своими сверстницами, а с другой, контраст ее будничной одежды с праздничными нарядами девушек свидетельствовал о ее тяжелом душевном состоянии, безразличии к собственному внешнему виду, из-за волнения и тревоги в связи с предстоящими событиями.

В момент вывода невесты перед столы на смотринах она представляла в наилучшем наряде и украшениях, во всем великолепии своей красоты. Ее вид должен был вызвать восхищение, покорить жениха и его родню, склонить их к положительному решению на брак.

Менялся наряд и у невесты, сидящей за столом с женихом. Он был праздничным, однако не таким, как на выводе. Кроме того, лицо ее снова закрывали платком, но подаренным женихом. Это означало, что невеста просватана и уже принадлежит жениху.

Таким образом, определенному обрядовому этапу соответствовало определенное (знаковое) платье.

Обряды, сопровождающие трапезы

Любое застолье в свадебные дни состояло из трапезы, включавшей свои ритуалы, и из обрядовой части, т.е. из многочисленных обрядовых действий и ритуалов, объединявшихся на каждом этапе свадебного действия вокруг сакрального центра – стола (=престола).

Именно эта обрядовая составная обеспечивала содержательное наполнение каждого застолья. Поэтому смысл каждого застолья наиболее ясно раскрывает его обрядовое сопровождение. Уже говорилось, что в этот свадебный период застолья устраивали как в доме жениха, так и в доме невесты. Их ритуальное оформление зависело от значения событий, которым они сопутствовали. Например, на *пропивках невесты* в доме жениха в столовании принимали участие родственники и жениха, и невесты – так называемые *зватые*. Во время угощения гостей должны были происходить знакомство и налаживание связей между сторонами жениха и невесты. Для закрепления достигнутой договоренности о браке *пропивали невесту*. К этому дню в Васьняновской вол.⁹⁴ сторона жениха, “смотря по состоянию”, должна была приготовить условленное (“выговоренное” при сватовстве) число ведер или ушатов пива и одарить ими отца невесты и щедро угостить гостей. От невесты приезжали отец, крестная мать и еще несколько родственников обоего пола и начиналось пиршество. Все садились за большой стол, уставленный разного рода пирогами, яичницей, говядиной и другими яствами. Среди стола красовалась огромная ендова с пивом. Хозяин поминутно наливал из нее в медные стаканы и подавал гостям, соблюдая очередь по старшинству родства. Гости приветствовали хозяина. Жених в это время стоял у *воронца* (столб, поддерживающий плати), одетый в красную рубаху и плисовый камзол, и угощал приходящий со стороны народ. Они, в свою очередь, потешали компанию разными остротами и преувеличенно хвалили жениха, произнося нараспев: “(имярек) и хорош, и пригож, всякий день мылом умывается, словно князь к своей суженой собирается” и т.д.

В другом застолье – *широком пире* – участвовали только родственники и гости со стороны жениха. Здесь демонстрировалось единение рода, выражалась материальная и духовная поддержка жениху. Сам же жених своими подарками и угощениями выказывал благодарность всем, кого знал и с кем имел дело в добрачной жизни.

На застольях под названиями *парнишник*, *мальчишник*, *прощальная посиденка* жених прощался с холостой жизнью и расставался со своими сверстниками. Как сообщал автор очерка о

a

b

Атрибуты праздничных крестьянских застолий: *a* – пасхальная скатерть – *христовая* начала XX в. из д. Вершина Вожегодского р-на. Фото С.Н. Иванова, 1986 г.; *b* – скатерть-полустоловка, домотканная с вышивкой крестом конца XIX – начала XX в. из д. Черняково Тарногского р-на. Фото С.Н. Иванова, 1981 г.; *v, г, д* – столовая утварь: ковш для черпания пива и воронка для переливания; *братина* для пива из д. Черняково Тарногского р-на. Фото С.Н. Иванова, 1981 г.; *ендова* из д. Мигуевская Вожегодского р-на. Фото С.Н. Иванова, 1986 г.; *e* – корчаги для пива. Фото С.Н. Иванова, 1980 г.; *ж* – солонки (ЧКМ). Фото С.Н. Иванова, 1982 г.

с. Корбанка Кадниковского у., на пропивании жениха “холостые ребята, товарищи жениха устраивали безобразную повальную пьянку”.

На столование, называемое *женихов поезд* (Кокшеньга)⁹⁵, приглашали всю родню и даже жителей близлежащих деревень. Это застолье происходило перед самым отъездом жениха в дом невесты на сватанье. Фактически на этом столе не было

угощения в общепринятом смысле. Значительная часть данного застолья отводилась организации поезда жениха. Распределяли свадебные чины, назначали (выбирали) тех, кто ехал поездками, репетировали порядок рассаживания за столами в доме невесты.

Следует заметить, что не все названные типы застолий происходили на одном месте. Каждый из них имел свой ареал.

В этот период обряды в доме невесты имели главное значение для всего хода свадебного ритуала. Несмотря на достаточно распространенное, особенно в Тотемском у., бытование терминов “свадьба”, “свадебный день” для обозначения кануна венчания, этот день в других местах Вологодской губ. чаще называли по его основным обрядовым действиям и ритуалам: *девичник*, *сидины*, *смотры*, *гостинцы*, *сговоры*, *сватанье* и т.д. Нередко многие из перечисленных обрядов объединялись под одним общим названием, например “девичник”, “смотры”, “гостинцы” и, в отличие от кануна и утра дня венчания, как правило, не имели специального названия. Более того, создается впечатление, что обряды кануна и утра венчального дня составляют единый цикл с определенным набором обязательных обрядовых действий, к тому же почти однотипных по всей территории края. Последовательность их исполнения в ритуале не была обязательной. Они могли перемещаться не только в пределах одного дня (кануна), но и переходить на утро венчального дня⁹⁶.

Обычно в эти полтора дня в доме невесты устраивали три обрядовых застолья (не считая повседневных трапез). Это были стол для девушек – подруг невесты, который проходил в канун дня венчания или ночью, а также торжественный стол для обоих родов (жениха и невесты), который по значимости совершаемых за ним обрядов, многолюдству и богатству угощений являлся фактически свадебным. Его могли устраивать как в канун, так и утром, перед отъездом на венец. Характер и назначение третьего стола зависели от местной традиции. Логически и обрядово этот стол обычно был связан с так называемым свадебным столом (вторым). Он мог проходить перед торжественным пиром и после него. За этим столом почти не угощали или угощали чисто символически. Подносили лишь пиво и водку, иногда с пирогами. В столовах такого типа жених мог не участвовать, его заменяли дружка, сват и сватья или кто-нибудь из родни. В некоторых местах обряды и функции этих двух столов объединялись в одно застолье. Количество столов зависело и от того, приезжал ли и сколько раз жених и его поезд в доме невесты или ехал прямо в церковь на венчание из своего дома.

Стол, который невеста устраивала своим подругам или для всей неженатой молодежи (видимо, это более позднее явление), был последней трапезой, объединяющей девушек и невесту как равную им. В то же время этот стол был прощанием с подругами, подводил черту под девичьей жизнью невесты. Угощая подруг, невеста как бы одаривала их, выражала свою благодарность и любовь за совместно проведенные вольные и радостные годы юности и за их помочь в подготовке к свадьбе. Эта последняя совместная трапеза невесты и ее подруг по разным уездам и волостям Вологодской губ. имела много общего. Общая схема этого застолья такова:

1. Сначала невеста просила своих родителей собрать угощение на “столы дубовые” и попотчевать ее подружек. Свою просьбу она излагала в виде причета, текст которого был схож почти на всей территории края.

2. Подобающим образом накрывались столы.

3. Специальным причетом невеста приглашала своих подруг к столу.

4. Прежде чем рассадить их, просила у родителей благословения на это.

5. За столом невеста угощала присутствующих и поила их по особому ритуалу пивом и водкой.

6. Заканчивалось застолье обычно благодарственным причетом.

7. После угощения шли игры и танцы молодежи. Невеста и жених, если он присутствовал, участия в них не принимали.

Приведу описание девичьего стола в Васьняновской вол. Кадниковского у.: «...в переднем углу, на покрытый белой скатертью стол ставятся разные деревенские яства, бутылки водки и ендова пива, а об этом невеста просит своих родителей: “Моя родимая матушка! / Ты собери, родимая матушка, / На столы да на дубовые / На скатерти да шерстибранныя... / Ты собери, родимый батюшка / На столы да на дубовые / Яндву да пива полного, / Да полуштоф вина зеленого: / Попочивать моих подруженек / При конце да житье девичье / Да при последнем безвременьице”».

К приготовленному по просьбе невесты столу приглашались ее подруги: “Мои подруженьки, голубушки! / Вы пойдемте, белы лебеди, ... / Все меня да молодешеньку / Попотчевала моих подружек / Все не веселье да не в радостях”⁹⁷.

Невеста вставала и сопровождаемая девушками, проходила в передний угол, за стол, прося благословение на это: “Благослови-ко, Христос Истинный / Да мать Пресвятая Богородица... / Сесть за столы да за дубовые, / Мне поужнать молодешеньке / По ста-

рому да и по прежнему / Со подруженькам моим голубушки...”⁹⁸. Этим она как бы подчеркивала свой прежний статус.

Невеста подзывала к себе отца и наливала ему стакан пива и рюмку водки, которые подавала с причетом: “Мой государь родимый батюшк! / Тебе стакан да пива пьяного / Да рюмочку вина зеленого”. Отец выпивал и отходил в сторону. Так же потчевала невеста и свою мать. Последняя выпивала и целовала дочь. Потом невеста наливала по стакану пива и по рюмке вина подругам и потчевала их, сопровождая это действие причетом: “Мои подруженьки, голубушки! / Вам по стакану пива пьяного, / По рюмочке вина зеленого, / Пейте-ко сердечушку да на здоровьеце, / Головушке да на весельице”.

Девушки выпивали пиво и вино и приступали к закуске. После в причете произносилась благодарность: “Да это, слава Тебе, Господи, / Мы отъели да откушали, / Откушали да ужну честную, / Честную да благородную, – / Хлеба соли и не убыло”⁹⁹.

Еще одним подтверждением того, что девичий ужин был последней совместной трапезой девушек и невесты на равных, могут служить слова причета, в котором невеста просила своих подруг проводить ее “со беседушки” (“прощальной посиденки”), побывать еще немного с ней, так как ей не бывать больше с ними “подружками-голубушками” “ни в беседушке смиренной, ни в гуляниях веселых”, а также жаловалась им на родителей за запрет участвовать в девичьей жизни: “Отказали мне батюшка (матушка) / От беседушки смиренья”¹⁰⁰.

Подобные застолья устраивали в большинстве мест Вологодской земли. Исключение составляли Грязовицкий у. и некоторые волости Кадниковского у. (Троицина, д. Зеленая Тавренгского общества, Ухтомская и Устьрецкая волости). В этих местах, видимо, не устраивали ужина для девушек, подобного описанному, так как сведений об этом нет. Там бытовала иная традиция. Накануне венчания жених приезжал к невесте “с гостинцами” (д. Кроптево Авнегской вол.; Ведерковская вол.)¹⁰¹. Этот свадебный этап так и называли *гостинцы*, или с *пряниками* (д. Троицина Новоникольской вол. Кадниковского у.), или с *суслом* (Устьрецкая вол.). Приехавших с гостинцами невеста усаживала за стол, угощала и одаривала саламатом (Ухтомская вол.), но все это происходило без особых церемоний девичьего стола и скорее походило на общее столование с родственниками. После отъезда гостей невеста причитала: “Слава, слава тебе, Господи! / Эти гости отгостили / И места-то все опростили / Уж я пивушком да отпопласё, / Дарами отдариласё, / Ноны стану жить да красоватисё / Да в душах красивых девушках” (Ухтомская вол.)¹⁰². Черта под девичьей жизнью не подводилась, все оставалось по-прежнему.

Правда, после гостинцев, в тот же вечер невеста угощала первом приехавших с пропивания мужчин. Причитая каждому, она обходила всех парней и угощала их (видимо, происходил обряд, аналогичный *приплакиванию к пиву* в Тотемском у.).

В названных местах Грязовецкого и Кадниковского уездов невеста кормила девушек и жениха весь период подготовки к венчанию (от *платов* до венца). Каждый день она поила их чаем и угощала пирогами (многодневный девичий стол). В Стрелицкой вол. Тотемского у. и д. Столовской на Кокшеньге в девичник невеста устраивала для подруг еще и обед. За обедом в Стрелицкой вол. невеста, одетая в лучшее платье и во всю скруту (одежду), подносила подругам пиво, а они звали ее к себе за стол следующими словами: “Не хотим, лебедь белая / Ты подруженька милая, / Без тебя мы есть хлеба белова / И пить пива-то пьянова”. Невеста отвечала им в причете: “Как не та пора-времечко / Пить мне пива-то пьянова, / Есть и хлеба-то белова / С вами, милые подруженьки”. Девушки пили пиво и обедали, иногда вместе с родителями невесты; сама же невеста в это время, “сев на голбец” (помост возле печи), причитала в продолжение всего обеда, тем самым внешне демонстрируя свое отчуждение от столующих¹⁰³.

Угощали на девичнике кто как мог. В д. Столовской за обедом (утром девичника) и ужином (вечером того же дня) девушкам подавали “свиные щи, кашу, картошку со свининой и масса хлеба”. В д. Корепово Тотемского у.¹⁰⁴ ужин начинался холодным из говядины, которое подавала на стол мать невесты. Далее кушанья следовали в таком порядке: щи, жаркое из говядины, пироги с рыбой, большой пирог с пшеном, шаньки, т.е. два пирога из белой муки: один начинен изюмом, другой – вареньем. Потом были маленькие пирожки, также начиненные изюмом. Наконец, подавали пряники, орехи, конфеты. Для жениха и невесты ставилась одна тарелка, им давали одну ложку, одну вилку и один нож, которыми они ели попеременно.

Итак, что было характерно для основного застолья девичника? Прежде всего то, что это застолье “маркировало” ситуацию перехода. Оно завершало время девичьей жизни – воли и с него начинался другой жизненный (и обрядовый) этап. О переходном качестве девичника писал и неизвестный автор очерка о д. Корепово Тотемского у.: “Девичник не что иное по своему смыслу, как прощание невесты со своими подругами, со своим девством, беззаботной жизнью; вместе с тем – это предверие в иную жизнь, неведомую, жизнь недугов, забот, зачастую лишений, семейных несчастий, ссор, драк, побоев, и редко – спокойствия и любви!”¹⁰⁵.

Вероятно, первоначально это застолье предназначалось только для девушек – подруг невесты (одной с невестой возраст-

тной группы), но со временем произошла трансформация обряда и на этом застолье стали присутствовать парни и даже все жители деревни. В своем полном варианте ужин для девушек имел довольно сложный сценарий, в котором каждое обрядовое действие или помышление невесты отражалось в причетах, во множестве исполняемых на этом этапе свадьбы. Необходимо обратить внимание на то, что во многих местах на ужине рядом с невестой сидел жених. Его появление на этом застолье объясняется тем, что ужин нередко происходил после смотрин, на которых принималось окончательное решение о браке. Поэтому присутствие жениха было не только правомочным, но и демонстрировало, закрепляло его право на невесту (видимо, это тоже более позднее явление). Угощение за этим столом ничем особым не отличалось, но зачастую было обильным и разнообразным. Из обрядовых блюд упоминались *саломат* и *свахина витушка*.

Происходили и изменения в фольклоре, сопровождающем застолье (ужин). Кроме причетов девушки почти повсеместно исполняли песню “Изменщица”, в которой они упрекали невесту за ее обман, так как прежде она обещала им не ходить замуж.

Назначение и обряды двух других столов кануна и утра венчального дня наиболее четко просматриваются в традиции Кокшеньги. Один из столов устраивали в канун дня венчания на этапе под названием *смотры, смотрины, большие смотры*. Главным и отличительным обрядом этого стола был *вывод невесты перед столы*. По-видимому, в давние времена (по первому замыслу) за этим столом жених и его родня впервые “смотрели” невесту и здесь окончательно решался вопрос о браке. При благоприятном решении начинались более близкое знакомство и сближение двух родов. Это выражалось во взаимном одаривании и угощении вином и пивом, совместном поедании обрядовых блюд – рыбного пирога, каши и т.д. За этот стол невесту еще не сажали; после смотров она уходила в куть (кухню) (или в шомнышу, помещение за кутьей) к девушкам.

Второй стол обычно проходил под утро венчального дня или непосредственно перед отправкой на венец. Это и был фактически свадебный (брачный) стол в доме невесты. За него сажали прилюдно (на общее обозрение) невесту с женихом, что и было отличительным знаком этого застолья. Этот стол так и называли *выводы невесты за столы*. Он отличался богатством угощения, праздничностью и важными, знаковыми обрядами. За ним происходили *выкупы невесты* у разных половозрастных групп деревни, а также символическая передача невесты жениху, совершае-

мая ее отцом (отец сдавал дочь “с рук на руки”). За этим столом нередко сваха закрывала невесту шалью, подаренной женихом (еще один акт, означающий право собственности на невесту). Здесь же совершалось обрядовое соединение жениха и невесты – их ставили на полсть и связывали руки. Как можно понять, все эти обряды в разных формах констатировали брак.

Кокшеньгский вариант ценен для понимания обрядового значения застольй этого периода тем, что в нем последовательно и наглядно показан весь процесс обрядового перехода девушки-невесты в замужнюю женщину. Важно и то, что все это происходило во время застолья.

Особо следует обратить внимание на драматуригию и сценографию данного момента обряда. Застолья и связанные с ними обряды часто проходили в двух разных избах, из которых состоял дом невесты (или разных помещений одной избы) – в зимней, так называемой *скотней* избе, и в летней или в *сутках* (передний угол) и в кути (иногда в шомныше).

В этом разделении заключался особый обрядовый смысл. Правда, помимо него существовало и другое, бытовое, рациональное объяснение – летняя изба была обычно просторнее зимней и вмещала больше народа. Свои занимали зимнюю избу, а приехавшие гости – летнюю. Родители невесты находились в летней избе с гостями (этого требовали правила гостеприимства), но не садились за столы вместе с ними (о значении этого поступка уже говорилось). Важно упомянуть, что гостей ничем не угождали, даже не давали ножей и вилок. Они привозили и ели свою еду и пили свое питье. Так продолжалось до торжественного стола (с невестой). Такая организация столов и поведение хозяев позволяли демонстративно разделять своих и чужих. Дом как бы распадался на два самостоятельных мира. Уходящий мир невесты с ее подругами и родней (он располагался в кути) и наступающий мир жениха и его приборян в летней избе.

Для более ясного понимания происходящего необходимо сказать несколько слов о том, что представляла собой в обрядовом контексте куть.

Куть (кути), *шомныша*, *середь* – разные названия печного угла, места перед печью, бытующие на Вологодчине. Это традиционно женское пространство – *бабий угол*.

Пребывание невесты в кути толковалось по-разному. С одной стороны, куть была местом ритуальной изоляции невесты, означавшая выделенность ее из общей жизни, “упалое место”. Насходясь там, она (якобы) не могла самостоятельно покинуть его, даже для того, чтобы встретить любимых гостей (божатку и других). О чем и говорила (жаловалась) в причете, прося простить ее

за то, что “не вышла, не стретила / На широкой белой улице, / На мосту да на Калиновом, / На крылечке на красном” (т.е. не могла исполнить общепринятую норму поведения). Сидя в кути, невеста не должна была разговаривать – “батюшка запретил”. И об этом она сообщала в причете: “Посадили родители / Меня в кут под окошечко / Во упалое местечко / Прямо печи печальныя, / Против устья каленова / И не велели родители / Мне шибко разглядывать, / Шибко громко разговаривать / Со своими со товарочками”¹⁰⁶. Все это время ее лицо оставалось закрытым. Некоторые исследователи (П.С. Ефименко, У.С. Конка) ассоциируют закрытое лицо с маской смерти¹⁰⁷.

Перечисленные особенности поведения невесты и ее состояние показывают, что она пребывала в каком-то ином, нездешнем мире, с другими нормами поведения, т.е. находилась в состоянии, подобном смерти. Все происходящее напоминает обряд инициации, а поведение невесты – состояние ламинального существа, готовящегося к переходу в новое качество. В таком положении невеста оставалась вплоть до ее воссоединения с женихом за свадебным столом.

С другой стороны, куть являлась символом вольной и счастливой жизни девушки-невесты в родном доме. В продолжение всех последних предвенчальных дней невеста многократно (по ритуалу) выходила из кути и каждый раз возвращалась туда, как бы сохраняя и поддерживая связь со своей девичьей жизнью. Покидая родную куть в последний раз, невеста причитала: “Пошли годы последние, времена потрусливые”. При словах: “ты дай, батюшка, со кутом мне проститися” она хваталась за лавку и причитала с удвоенной страстью, восклицая: “Запирайся, прекрасный рай” (д. Харино Хариновской вол.)¹⁰⁸.

Для того чтобы иметь общее представление о том, что происходило хотя бы на одном из упомянутых столов, приведу краткую схему свадебного стола, т.е. торжественного застолья – *княжьего стола* (за основу взяты материалы М.Б. Едемского по свадьбе Кокшеньги)¹⁰⁹:

1. Стол в летней избе занимали невеста и девушки. Они рассаживались в установленном порядке.
2. Происходило *приплакивание* и раздача даров невестой своей семье и родне. Невеста прощалась с ними.
3. Приходили приборяне с женихом. Происходил *выкуп места*. Продав места, невеста и девушки покидали стол и уходили в куть.
4. Приборяне садились на выкупленные места. Стол накрывали заново, устанавливали кушанья и яства (до этого было столование с выводом невесты перед столы).

5. Сваты и дружка шли в куть угощать девушек пивом. Дружка угостив, целовал каждую.

6. Невеста сдавала красоту родителям, родственникам, подругам.

7. Невесту наряжали и отдавали за стол, т.е. сажали за стол к жениху.

8. Гости угощались. Жених и невеста до венца за общими столами ничего не ели.

9. Происходила раздача краяного (витушек), девушки сдавали приветки – величали гостей.

10. Менялся фольклорный репертуар. На смену причетам приходили песни “Виноградье”, “Стадоводица” (“Лебедушка”), “Кудрявчик”, величания гостям и т.д.

Кроме этого во многих местах к перечисленным обрядам добавлялись еще загадки жениху, выкупы невесты у разных половозрастных групп ее деревни, одаривание поезжан и жениха подарками, закрывание невесты платком от жениха (д. Столовская Стрелицкой вол.; д. Вохтаги Раменской вол. Грязовицкого у.); обряд передачи невесты жениху (деревни Столовская, Шириханово, Харино Харинской вол.), дары жениха – подавай (д. Черновское Никольского у.) и т.д.

Традиции других мест Вологодского края отличались от Кокшеньги количеством столов, устраиваемых в этот период, и временем их проведения (в канун или утром венчального дня). Различались и названия столов, например, сидины (сидинный стол – Вологодский и Грязовецкий уезды), гостинцы и т.д. В целом набор обрядовых действий этого периода, как уже говорилось, на всей территории был почти однотипен. Примерный перечень таков:

1. Выкуп невесты:

а) у общества (деревни). Требование дать денег “на рогозку”, “на меч”, за елочку, зайчика, “за моучинку”;

б) места за столом или самой невесты женихом.

2. Дары:

а) невесты: поезжанам, жениху, своим родственникам;

б) невесте: от жениха, поезжан и от своей родни.

3. Угощения:

а) невестиной стороной – угощали своих и жениха с поезжанами;

б) стороной жениха – невесту, девушек, ее родных и гостей (в основном угощали вином, пивом, краяном – (витушками) и пряниками).

4. Благословения (разные, в том числе жениха и невесты).

5. Закрывание невесты платком.

6. Выводы невесты: “перед столы”, “за столы”.
7. Запоручивание (Кокшеньга).
8. Обряды с красотой (невеста “красила” красоту, “сдавала” и т.д.
9. Прощание с кутью (“раем”).
10. Выдача (передача) невесте денег ее отцом (“деньги за полетки”), заработанных ею в родном доме.
11. Раздача крояного.
12. Загадки жениху.
13. Отдача невесты ее отцом жениху.
14. Соединение жениха и невесты.
15. Разнообразный фольклор. Исполнение девушками плачей, песен и припевок, приговоры дружки, заговоры и т.д.

Таков далеко не полный перечень совершившихся обрядовых действий.

Итак, застолье представляет собой значительное и сложное явление народной культуры. Это многофункциональный ритуал, происходящий вокруг единого центра – стола-престола, состоящий не только из трапезы (жертвоприношения – угощения), но и из множества обрядовых действий. Оно обычно завершало обрядовый этап, что позволяет отнести застолье к переходным обрядам. В нем отразились мировоззрение народа, его этические и эстетические взгляды и приоритеты, нормы поведения, принятые не только в застолье, но и в жизни. Его оформление и атрибутика складывались с помощью всех доступных крестьянину изобразительных средств, что позволяло создавать, с одной стороны, праздничное, эмоционально насыщенное, яркое и красочное зрелище, с другой – показать глубоко трагические стороны происходящего.

В настоящей статье разбирался только один, правда, особенно значимый этап свадебного обряда. Однако и на этом материале можно почувствовать богатство воображения, глубину и творческую силу народного таланта.

¹ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 227–228, 467, 779.

² Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба. М., 1985. С. 103 (далее в тексте – Балашов Д.М. и др. или Верхняя и Средняя Кокшеньга и Уфтиуга, Тарногский р-н).

³ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 147. С. 1–55: Свадьба и свадебные причеты в Ухтомской вол. Кадникновского у. (далее – Ухтомская вол. Кадникновского у.).

⁴ Вологодский фольклор. Народное творчество Сокольского района / Сост., примеч. и вступ. ст. И.В. Ефремова. Вологда, 1975 (далее – Сокольский р-н или Ефремов И.В.).

⁵ Балашов Д.М. и др. С. 103.

⁶ АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 78: Шустиков А. Деревня Зеленая Тавреныгского общества Кадниковского уезда (далее – д. Зеленая Кадниковского у.).

⁷ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 171. Свадебные обряды д. Вохтонги Раменской вол. Грязовецкого у. Вологодской губ. Записано студентом IV класса Вологодского педтехникума А.А. Афанасьевым в 1924 г. (далее – д. Вохтонга Грязовецкого у.)

⁸ ВГВ. 1864. № 25. С. 81: Михайло Бартенев. Смотрины в Кубенском краю.

⁹ АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 73. С. 34–39. (Далее – Никольский у.)

¹⁰ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 144: Соболевская В.М. Очерки быта кокшаров и присухонских крестьян г. Тотьмы. (Далее – д. Столовская Тотемского у. или Соболевская В.М.).

¹¹ Ухтомская вол. Кадниковского у.; ВГВ. 1860. № 53. С. 373–375; 1861. № 8. С. 56–58: В. Кичин. Свадебные обряды в Васьняновской вол. Кадниковского у. (далее – Васьняновская вол. Кадниковского у.); ВГВ. 1891. № 1 и 2: В Троичине (Кадниковского у.) (далее – Троичина); ЖС. 1894. Вып. 1. С. 99: А. Балов. О свадебных обычаях в селе Корбанке Кадниковского уезда Вологодской губернии (далее – с. Корбанка Кадниковского у.).

¹² ЭО. 1900. № 2. С. 83: М. Куклин. Свадьба у великоруссов (Вологодская губ.): Свадебные обычаи и песни у крестьян Стрелицкой волости Тотемского уезда Вологодской губернии (далее – Стрелицкая вол. Тотемского у.).

¹³ АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 62: А. Шайтанов. Верхне-Важский посад 1848/1849 г. (далее – Верхне-Важский посад).

¹⁴ Стрелицкая вол. Тотемского у.; д. Столовская Тотемского у.; Ефремов И.В., Балашов Д.М. и др.; Верхне-Важский посад; Никольский у.

¹⁵ ЭО. 1899. № 3. С. 161: Диляторский П.А. Свадебные обычаи и песни в Тотемском уезде Вологодской губернии (далее – ЭО. 1899. № 3); Сказки и песни Белозерского края. Записали Борис и Юрий Соколовы. М., 1915. С. 3–50 (далее – Соколовы Б. и Ю. или Белозерский край).

¹⁶ Едемский М.Б. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда. Вологда, 2002. С. 61–62 (далее – Едемский М.Б.).

¹⁷ Соколовы Б. и Ю. С. 345

¹⁸ Балашов Д.М. и др. С. 120.

¹⁹ Соколовы Б. и Ю. С. 385.

²⁰ Едемский М.Б. С. 195.

²¹ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 174: Свадебный обряд с. Муньга Кирилловского у., Череповецкой губ. Записано студенткой IV класса Вологодского педтехникума Манефой Саватьевой в 1924 г. С. 1–2 (далее – с. Муньга Кирилловского у.).

²² Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б. и др. Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М., 1998. С. 326 (далее – Морозов И.А. и др.).

²³ Ефремов И.В. С. 57.

²⁴ Балашов Д.М. и др. С. 132.

²⁵ ЭО. 1903. № 1. С. 65; Диляторский П.А. Свадебные обряды Вологодской губернии (далее – ЭО. 1903. № 1).

²⁶ ЖС. 1896. Вып. 1. С. 80: Ордин Н.Г. Свадьба в подгородных волостях Сольвычегодского уезда (далее – Ордин Н.Г.).

²⁷ Балашов Д.М. и др. С. 120.

²⁸ Соколовы Б. и Ю. С. 385.

- ²⁹ АИЭА В.Э. ВО. 1981 г.: д. Черняково Маркушевский с/с. Тарнагский р-н. Вологодская обл. (далее – д. Черняково).
- ³⁰ Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1886. С. 148.
- ³¹ ТКМ. РО. № 38: Авдотья Петрова Новоселова из д. Медведица Ростовской вол. Вельского у. 8 янв. 1923 г. (далее – д. Медведица).
- ³² Ордин Н.Г. С. 66.
- ³³ Там же. С. 95.
- ³⁴ АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 73 (Никольский у.).
- ³⁵ Ордин Н.Г. С. 81.
- ³⁶ Народные песни Вологодской области. Песни Средней Сухоны / Сост. А.М. Мехнечев. Л., 1981. С. 121–122.
- ³⁷ Д. Зеленая Кадниковского у. С. 268.
- ³⁸ Балашиов Д.М. и др. С. 120.
- ³⁹ Ордин Н.Г. С. 99.
- ⁴⁰ Соколовы Б. и Ю. С. 380.
- ⁴¹ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 337. С. 2.
- ⁴² Балашиов Д.М. и др. С. 107–108.
- ⁴³ Едемский М.Б. С. 57.
- ⁴⁴ Ордин Н.Г. С. 51–121.
- ⁴⁵ Ефремов И.В. С. 137.
- ⁴⁶ Балашиов Д.М. и др. С. 108. № 125.
- ⁴⁷ Там же. С. 110. № 132.
- ⁴⁸ Там же. С. 109. № 127.
- ⁴⁹ Там же. С. 111. № 134.
- ⁵⁰ Там же. С. 109. № 129.
- ⁵¹ Едемский М.Б. С. 57–58.
- ⁵² Балашиов Д.М. и др. С. 110. № 130.
- ⁵³ Там же. С. 109. № 127.
- ⁵⁴ Там же. С. 109. № 129.
- ⁵⁵ Там же. С. 111. № 134.
- ⁵⁶ Едемский М.Б. С. 60–61.
- ⁵⁷ Соколовы Б. и Ю. С. 383.
- ⁵⁸ Ордин Н.Г. С. 80–81.
- ⁵⁹ Там же. С. 102.
- ⁶⁰ Балашиов Д.М. и др. С. 220.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 148: Пузин И.П. Свадебный обряд. Причеты 1898. Д. Мольбицы Иваново-Богословского прихода в 6-ти верстах от Вологды (далее – д. Мольбицы).
- ⁶³ Ордин Н.Г. С. 102.
- ⁶⁴ Там же. С. 103.
- ⁶⁵ Там же. С. 77.
- ⁶⁶ АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 73.
- ⁶⁷ Ордин Н.Г. С. 107–108.
- ⁶⁸ Там же. С. 95.
- ⁶⁹ Морозов И.А. Структура и семантика традиционного застолья: обычай, верования, магия, связанные с его началом и завершением // Традиционная культура. Вып. 2. М., 2002. С. 25 (далее – Морозов И.А.).
- ⁷⁰ Средняя Сухона. С. 121–122.

⁷¹ Ордин Н.Г. С. 77.

⁷² Стрелицкая вол. Тотемского у. С. 95.

⁷³ Соколовы Б. и Ю. С. 375. № 245.

⁷⁴ Ефремов И.В. С. 140.

⁷⁵ Хренов Н.А. Человек пирующий: от природы к культуре // Традиционная культура. Вып. 2. М., 2002. С. 14.

⁷⁶ Валенцова М.М. Магические функции еды // Традиционная культура. Вып. 2. М., 2002. С. 36.

⁷⁷ АРГО. Р. 7. Оп. 1. Д. 273. С. 15: Шадрин И. Кадниковский у.

⁷⁸ РЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 139: Кузнецов Я. Свадьба в д. Третниково Поченгской Владимирской церкви Вологодского уезда в 25 верстах от Вологды. 1898 г. (далее – д. Третникова).

⁷⁹ Морозов И.А. С. 25.

⁸⁰ Саломата, или соломаты – блюдо, приготовляемое из толокна, которое заправляли сметаной, простоквашей или маслом.

⁸¹ Витушка – “круглый белый хлеб, сдобный, домашнего печения, весь верх которого украшался разного рода загогулинами и “кривулями” из теста. Середина обычно украшалась коротенькими торчащими тестяными колбасками, а по краю витушка обводилась каемкой из того же круглого тестяного жгута”.

⁸² Кроеное, краяное – пряники, разрезанные на части.

⁸³ Ордин Н.Г. С. 112.

⁸⁴ Едемский М.Б. С. 52.

⁸⁵ Ордин Н.Г. С. 62, 66, 81.

⁸⁶ Едемский М.Б. С. 77, 83–85; Балашов Д.М. и др. С. 120–121, 146.

⁸⁷ Ордин Н.Г. С. 105–106.

⁸⁸ Ухтомская вол. Кадниковского у. С. 22.

⁸⁹ Балашов Д.М. и др. С. 121, 146.

⁹⁰ Там же. С. 146.

⁹¹ Там же. С. 147.

⁹² Едемский М.Б. С. 46.

⁹³ Ордин Н.Г. С. 101–102.

⁹⁴ ВГВ. 1860. № 53.

⁹⁵ Балашов Д.М. и др. С. 116–117.

⁹⁶ Там же. С. 103.

⁹⁷ ЭО. 1903. № 1. С. 57–58: Неуступов А.Д. Крестьянская свадьба в Васьиновской вол. (далее – Неуступов А.Д.).

⁹⁸ Там же. С. 58.

⁹⁹ Там же. С. 58–59.

¹⁰⁰ ЭО. 1899. № 3. С. 162.

¹⁰¹ ЖС. 1905. Вып. 1–2. С. 203–225: Волков И.В. Свадебные причеты, записанные крестьянином (Вологодская губ. Грязевский у.), часто бывавшим сватом. 1902 (далее – д. Кроптева Авнегской вол.); ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 117. С. 20–32: Свадебные обычаи крестьян Ведениковской вол. Грязовецкого у. Записано студентом Вологодского педтехникума Ф. Поздиным в рождественские каникулы 1923–1924 г. (далее – Ведениковская вол.).

¹⁰² Ухтомская вол. Кадниковского у. С. 23–34.

¹⁰³ Стрелицкая вол. Тотемского у. С. 88.

¹⁰⁴ ВГВ. 1864. № 31. Неофициал. часть: Народные свадебные обряды в Тотемском у. Вологодской губ.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ ВГМЗ. РО. Ф. ВОИСК. Д. 117. С. 22.

¹⁰⁷ Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. Ч. 2. М., 1879. С. 102; Конкка У.С. Карельская свадебная причитальщица YTKETTDYD – “возбудительница плача” // Фольклор и этнография. Л., 1974. С. 241.

¹⁰⁸ ТКМ РО № 26. Харинская вол. Свадьба в д. Харино. Записано со слов гражданки Е. (далее – д. Харино Харинской вол.).

¹⁰⁹ Едемский М.Б. С. 95–117.